

чане называют "novel of purpose" (бытовой роман на заданную тему), а французы - "le roman à thèse".

Большая часть появляющихся в это время романов Коллинза теперь последовательно проводит небольшую группу проблем, как правило, четко выдвинутую автором в зачине книги и развиваемую до финала. Кульминация действия обычно совпадает с выводом о безысходности, неразрешимости проблемы. В "Муже и жене", открывающем "вторую манеру" Коллинза, поднимается вопрос о несогласованности юридических нормативов поочередно по отношению к ирландско-католическому браку, затем - к так называемому "нерегулярному", шотландскому, и, наконец, к официальному английскому брачному кодексу. Во всех трех случаях женщина экономически и морально ущемлена, законы не гарантируют ни ее физической неприкосновенности, ни сохранности ее имущества от злоупотреблений. Все три типа брачного законодательства, доминирующие в Великобритании, дают возможности для вопиющих злодеяний. В такой же степени показателен роман "Закон и жена", представляющий собой душераздирающую исповедь женщины, отчаянно борющейся против косного и безжалостного общественного мнения, запятнавшего ее мужа. В данном случае "закон" понимается как комплекс неукоснительных нравственных нормативов викторианского пуританизма, не обладающий презумпцией невиновности и крайне жестокий прежде всего к женщинам, а порой и к мужчинам²². "Новая Магдалина", как уже намекает само заглавие, посвящена вековечной проблеме падения женщины вследствие нужды и уродливой общественной морали, препятствующей нравственному возрождению оступившейся девушки. В "Опавших листьях" (опубликована лишь первая часть из задуманных 4) рассказывалось о четырех несчастных женских судьбах: немолодой дамы в американской "общине", жене и дочери злодея-банкира и незаконнорожденной девочки, вынужденной стать проституткой. Аналогом "Закона и жены" является роман "Я говорю "Нет!", где девушке приходится героически защищать свою репутацию из-за ложных слухов по поводу ее отца. Снова прозвучала тема дискомфорта женщины в нравственном климате викторианства. Таким образом, романы третьего периода Коллинза постоянно возвращаются к теме женщины как жертвы порочных юридических и нравственных законов Британии.

HOMO REFLECTUS VERSUS HOMO SYMBOLICUS?

Асламазишвили Д.Н.

*Сибирский Государственный
Технологический Университет,
Красноярск*

Скоро дороги к морю будут покрыты мимозами. Женщины наденут легкие платья. Небо станет глубоким и свежим, Кассий. Так улыбается жизнь!

А. Камю

Культура – это всего лишь яблочная кожура, натянутая над раскаленным хаосом, как писал Ф. Ницше. Что же сокрыто в самой сущности этого мифического хаоса? Возможно этот хаос – лишь остатки Вавилонской башни, ставшей символическим карающим перстом единственного Вседержителя, а в его основании пульсируют символы, каждый из которых обладал потерянными до-Вавилонским смыслом, так культура представляется как единое пространство денегрирующих символов. Символы занимают императивное пространство, являясь носителями чистого смысла, закодированного особым образом символическими механизмами. Культура скрывает под собой огромное количество загадок, стирая порой сомнения в существовании некоего единства – управляющего абсолюта. Деление целостного мира на части условно, условно и деление культур. Вглядываясь в иллюзорную карту мира, восклицает Заратустра о новых скрижалях, скрижалях единого – неразрывного – недостижимого, вечно пульсирующего зороастрийского огня, – того первобытного, первоосновного смысла, который утратили гиганты-строители Вавилонской башни в борьбе с новым Властителем. Вавилонская башня разрушилась, разрубив своими осколками мир на две вечно противоборствующие стороны – Восток и Запад, Азию и Европу. Умиротворенный Восток, похожий на древнего даоса, созерцает и движется в гармонии с миром, в то время как неуравновешенный Запад, тряся флагом цивилизации и аристократизма, хаотично и безрезультатно атакует уже которое столетие окружающий мир.

Современная ситуация существования предлагает нам огромный и даже непомерный спектр знаковых отличий в рамках формата знакового обращения. Коммуникативные переносы предполагают близость абсолютного мифологизирования моделей социального процесса, которые так или иначе определяют движение мыслеобразов внутри формата культура-язык-общество. Человеческое существование наполнено смыслами, которое делает человека своеобразным многомерным абсурдом, создавая его новые иллюзорные формы: НОМО новой эпохи, НОМО прогресса, НОМО информационной волны, НОМО виртуальный, НОМО off-line и так далее. Тем не менее, пожалуй, последние 100-120 лет существует серьезный конфликт между двумя радикально противоположными homo-формами: homo reflectus и homo symbolicus, который обострился и актуализировался в 19 столетии и был аллегорически выражен Ф.Ницше в его работах. Необходимо отметить, что этот конфликт сохраняет свою актуальность и по сей день. Homo reflectus и homo symbolicus являются только метафорическими индикаторами двух основных направлений развития сферы знания в условиях «интерпретативной» парадигмы.

Homo reflectus означает тенденцию, направленную на представление человечества как рефлектора или отражателя Универсума, homo symbolicus же в свою очередь – тенденцию, направленную на представления человечества как одной из символических форм, существующей во внешнем мире, но все еще обладающей характеристиками символической сферы. Граница между этими двумя формами весьма де-

²² Например, Парнелл, лидер ирландской оппозиции в парламенте, был выкинут с политической арены за то, что женился на разведенной женщине.

ликатна. Homo reflectus предполагает, что люди не способны объять Универсум в его целостном смысле, что институты общества и деятельность индивидов являются всего лишь отражением тайных смыслов Универсума, однако эти смыслы вечны и неизменны (теория ценностей Николая Гартмана), таким образом, люди не могут на них повлиять. Люди недостаточно развиты для того, чтобы быть чем-то большим, чем просто зеркалами, поглощающими свет этих смыслов и интерпретируя их на своем несовершенном уровне. Homo reflectus провозглашает отражение, а не творение смыслов, что безусловно оказало влияние на теории интерпретации, которые провозглашали основой экзегезу.

Что касается homo symbolicus, ситуация здесь немного иная, так как это направление имеет дело с символической сферой Универсума. Термин homo symbolicus впервые прозвучал у Э.Кассирера – представителя неокантианской школы философии. Кассирер утверждал, что все сферы человеческого существования символически, особенно культура, что подчеркивает тот факт, что люди – творцы по своей природе, они формируют разные сферы существования, разные ценности и ориентиры, в которых преломляется символическая сфера. Интеракции в символической сфере, связанные с изменениями в символическом поле человека являются основной причиной развития мира и Универсума. Культура – это наиболее значимая область действия homo symbolicus, здесь он/она может творить, интерпретировать и воссоздавать новые смыслы и абсурды. Зашифрованные мифы, иногда мифологемы, вторгающиеся в интенциональные структуры мира, создают ситуацию «испорченного телефона» в глобальном супермаркете концепций, теорий, идей и практик. Несложно представить, как такой телефон работает в супермаркете, где тысячи рядов, людей, вещей и очень шумно. Возникновение хаоса, замешательства и конфликтов неизбежно, тем не менее в такой ситуации абсурдизации структуризация может снять напряжение, высвобождая внутренние смыслы, которые ранее были недоступны по причине строгих интенций. Это путь «интерпретативного» приговора, разрушения традиции, путь к пульсирующему символу Универсума.

ЯЗЫК В МИРЕ КУЛЬТУРЫ

Балабанов П.И., Григорьянц Т.А.

*Кемеровский государственный
университет культуры и искусств,
Кемерово*

Современную культуру можно определить как имеющий свою специфику способ существования, организации и развития человеческого бытия. Поскольку культура представляет собой явление многоуровневое и сложноорганизованное, при ее анализе используются различные подходы. Одним из таких подходов изучения мира культуры, выдвигающим в качестве основной задачи научного исследования выявление структуры объектов, является структурализм. Как и другие методологические подходы, структурализм основывается на определенной концепции чело-

века, которая предполагает существование устойчивых, четко выделенных отношений и связей между человеком и окружающим миром. Эти связи определяют классификацию и анализ структуры того, «что является значимым для него (человека), что он может конструировать в своем окружении»(1) ибо природа, общество, человек – реальны.

Представляя собой «другую» природу, культуру можно определить эквивалентом природы настоящей, выражением, точнее, попыткой выразить суть происходящего языком понятным человеку и им же изобретенным. Разным областям мира культуры соответствуют свои языки, имеющие границы, определенные формы выразительности, элементы, составляющую внутреннюю структуру любого языка. Языки культуры, таким образом, не являются частью объективной природы, также как они не могут представлять элемент субъективного мира человека. Область языков культуры находится между объективной реальностью и человеком, который в ней прибывает. С одной стороны, можно говорить об органической встроенности человека (индивида) в мир объективного – ведь человек, сам – часть природы; с другой – несмотря на органичность его существования в ней, наблюдается некий «зазор» – область «адаптации» человека в природе. Именно здесь фиксируются и помещаются значимые и понятные для человека представления об окружающем мире, о сложных связях с этим миром, об отношениях, в которые пытается вступить с этим миром человек.

Языки культуры имеют вид сложных систем, которые человечество организовало для определения и фиксации устойчивых единиц и представлений, возникающих в жизненном потоке. Обладая способностями объединять и разъединять отдельные представления разных уровней, язык культуры имеет возможность фиксировать и определять не только отдельные объекты, но и их состояния, отношения, в которые эти объекты вступают, их связи, процессы и действия. Одним словом, языки могут фиксировать многое из мира людей: их чувства, эмоции, поступки и т.д. и представляют собой средство связи не только человека с объективным миром, но человека с человеком.

Имея природные предпосылки, любой язык, тем не менее, не является природным, неотъемлемым элементом человеческой жизни. Занимая «среднюю» позицию между естественной природой и человеком, языки оформляются и существуют в коммуникациях, общении и взаимодействиях людей. Язык, можно сказать, есть область взаимодействий символов, знаков и понятий. Его появление возможно тогда, когда знак становится самостоятельным, он отделяется от представления и существует как его символический «выразитель» – репрезентант конкретного понятия.

Культурные пространства отличаются друг от друга по характеристикам обозначаемых объектов мира человека, форм и видов отношений, возникающих между объектами, а также вариантами связей, поддерживающих эти отношения. Естественно, что столь различные объекты окружающего мира, не могут не выражаться разными знаками; то есть, элементы жизненного потока человека, а точнее, понятия о них эквивалентизируются в мире культуры знаками